

**СОЛДАТЫ
ПОБЕДЫ**

**ВЛАДИМИР
БУШИН**

**Я ПОСЕТИЛ
СЕЙ МИР
КНИГА ВТОРАЯ**

**Дневники, воспоминания,
переписка разных лет**

Владимир Сергеевич Бушин
Я посетил сей мир. Дневники,
воспоминания, переписка
разных лет. Книга вторая
Серия «Солдаты Победы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17650644

*Владимир Сергеевич Бушин. Я посетил сей мир. Дневники,
воспоминания, переписка разных лет. Книга вторая: Алгоритм;
Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0090-5*

Аннотация

Выдающийся критик, публицист современности, как его часто называют, последний рыцарь советской эпохи – солдат Великой Отечественной Владимир Сергеевич Бушин был и остался человеком чести, никогда не изменявшим своим убеждениям. Эта вторая книга его дневниковых записей и воспоминаний, вслед за дневниками фронтовика, охватывает период 1960-х – начала 1980-х годов, раскрывая как общественную атмосферу тех лет, так и события творческой и личной жизни автора.

Содержание

Вадим Кожинов и Станислав Куняев	5
Из записных книжек	5
1960-е	12
Абрам и Аржак	12
КГБ, Сапфо и Вова Котов	16
Кутеж в «Метрополе» как взятка	18
Так велика моя вина...	23
Стон всей страны	27
«Диверсия» против яковлевщины	37
Евгений Винокуров	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Владимир Бушин
Я посетил сей мир.
Дневники, воспоминания,
переписка разных
лет. Книга вторая

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...*

Ф.Тютчев

© Бушин В. С., 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Вадим Кожинов и Станислав Куняев

Из записных книжек

В «Литературе и жизни», которую возглавлял милейший Виктор Васильевич Полторацкий, я проработал недолго, но печатался там много. Однажды на Цветном бульваре, где в одном здании с «Литературкой» находилась и «ЛиЖи», как ее иронически называли, встретил добрую приятельницу Лену, с которой познакомился летом 1953 года в Дубултах, в Доме творчества. Она – дочь известного еще с тридцатых годов критика Владимира Ермилова. У Асеева в поэме «Маяковский начинается» о нем несправедливо сказано:

К примеру:

 скажите, любезный Немилов,
вы – прочно привержены
 к классике форм
и, стоя
у «Красной нови»
 у кормила,
решили, что корень кормила – от
 «корм»?

Впрочем, на совести Ермилова несправедливостей тоже немало.

Асеев – второй (первым был Иосиф Уткин) живой писатель, которого я увидел в 1939 году на эстраде в Измайловском парке, где он как раз читал эту поэму, за которую получил Сталинскую премию. Ему тогда исполнилось пятьдесят лет. Помню, чья-то юбилейная статья о нем начиналась словами: «Он очень молод...» Ибо тогда считалось, что в пятьдесят человек уже чуть ли не старик.

Лена была с незнакомым мне парнем. Она представила меня так: «Это Володя Бушин, без которого не обходится ни один номер «ЛиЖи». Так и было. А спутник Лены оказался Вадимом Кожиновым, ее мужем. Злые языки говорила: «Он женился на библиотеке Ермилова». Говорят, библиотека действительно богатая. А печатался я много по двум причинам. Во-первых, газета только начиналась, материалов порой не хватало. Во-вторых, за годы аспирантуры и после у меня накопилось много неопубликованных статей.

25 марта 1959 года я напечатал там статью «Чувство слова», в которой речь шла о романах Федора Панферова «Раздумье» и Даниила Гранина «После свадьбы». В «Нашем современнике» № 1 за 1960 год П. Пустовойт гневно обрушился на меня: «В. Бушин даже не пытается провести грани между речью писателя и его героев. Обнаружив слова «очухаться», «взъерепениться», «лупануть», кричит «Караул!» Что ж, Пу-

стовойт совершенно прав. «Рецепты В. Бушина даже старому адмиралу Шишкову показались бы анахронизмом». И тут прав. Сейчас даже не верится, что я писал такую чушь. Но что я! Даже Шолохов, видимо, под влиянием работы Сталина «Марксизм и языкознание» (1952) в одном издании «Тихого Дона» убрал слова и предложения подобного рода и почти все диалектизмы. Слава Богу, потом восстановил.

19 августа 59 года в «ЛиЖи» была напечатана моя большая статья «Штампы бывают разные» – о Юрии Казакове, о котором тогда много говорили и писали. В статье были и похвалы и критика, она преобладала. В таком духе: «Замечание Ю. Нагибина о том, что в рассказе «На полустанке» перед нами «неравный поединок душевной грубости с робкой, беззащитной нежностью», к сожалению, справедливо по отношению к большинству рассказов Ю. Казакова: в них «поединки», именно неравные и «нежность», именно беззащитная». Но сам Казаков, кажется, был доволен. Во всяком случае, при встрече сказал мне, что отмеченные мной «штампы» выписал и повесил над письменным столом, чтобы избегать их. Разговоров о моей статье было немало, но, кажется, в печати возражений не появилось.

Успел я напечатать там и свою первую – на два подвала! – шумную статью «Реклама и факты» – о критике в «Новом мире». Это же было осиное гнездо будущих прорабов перестройки: один Сарнов чего стоит. А тот же Турков!.. Говорили, Твардовский негодовал: «Нашелся новый Белинский!»

Однако и тут никаких возражений или опровержений не последовало.

А с Кожинным с тех времен у меня всю его жизнь были самые добрые отношения. Встречались мы редко, но перезванивались довольно часто. Как правило, я звонил ему, чтобы навести какую-то справку по литературе или истории. Он же был ходячей энциклопедией. Запомнился последний мой звонок: надо было уточнить некоторые строки стихотворения Ахматовой «Когда погребают эпоху».

Я знал, что у него дома бывают интересные встречи с пением старинных романсов, чтением стихов, разговорами. Вадим не раз приглашал меня зайти. Говорил: «Я живу ближе всех». Имел в виду – от ЦДЛ. Но я, к сожалению, так и не собрался. Я вообще упустил много подобных возможностей. К Шолохову многие ездили. А я видел его вблизи только один раз. Это было в декабре 1949 года на вечере, посвященном 70-летию Сталина в Большом зале консерватории. Мы с Игорем Кобзевым упрашивали Михаила Александровича прийти к нам в Литературный институт. Он соглашался, поддакивал, но так и не пришел. Леонова тоже видел рядом лишь один раз – в Литературном институте он беседовал с какой-то группой студентов. Я его слушал и ничего не понимал. А гораздо позже, когда началась катавасия демократии, Евгений Иванович Осетров и Вадим Дементьев, часто бывавшие у Леонова, рассказывали мне, что он интересовался мной как автором хлынувших тогда крутых статей.

Вадим приходил к нему со свежими газетами, и великий старик каждый раз спрашивал: «Есть что-нибудь Бушина?» Если было, Вадим читал ему вслух. И нередко он от души смеялся.

Симонова видел вблизи тоже один раз, в редакции «Дружбы народов». А потом – уже в гробу, стоя на сцене ЦДЛ в почетном карауле. Светлова – тоже... Зато пять лет просидел в той же «Дружбе» дверь в дверь с Ярославом Смеляковым. Однажды на редакционной пирушке он предложил тост за меня, чем я до сих пор горжусь. У меня была статья о его книге «День России», но тост был не после нее, а, видимо, после моей статьи «Кому мешал Теплый переулок?» в «Литературке» – о том, что надо прекратить бесконечные переименования и вернуть многим городам их прежние исторические имена.

Когда Кожинов умер, я написал о нем довольно большую статью и предложил, естественно, в «Наш современник», где он долгие годы был членом редколлегии. Куняев отверг статью:

- Он не был диссидентом, не был антисоветчиком.
- А я и не говорю, что был. Активным антисоветчиком – нет, ничего антисоветского он не писал, не делал. Но неоднократно признавался, что в начале 60-х годов под влиянием бесед с Михаилом Бахтиным пришел к отрицанию всего, что произошло в стране после 1917 года. Всего! Значит, и культурный взлет, и победу в Отечественной войне, и прорыв в

космос... Период этот был краткий.

Вадим всегда неутомимо работал, много знал, и обширные познания помогли ему вскоре выйти на правильную дорогу, как не могут не вывести любого честного человека. Он много сделал для разоблачения вранья о советской эпохе, и я часто обращаюсь к его книгам за поддержкой.

Но Куняев был неколебим. Да и что я мог ждать от человека, который однажды сказал мне: «Привыкни к мысли, что я всегда прав». И это в пору, когда уже давно отменен даже эдикт о непогрешимости папы. Пришлось напечатать статью в «Завтра». Потом она вошла в книгу «На службе Отечеству».

Но некоторые непустячные несогласия с Кожинным все-таки остались. Так, я был очень удивлен тем, как несуразно, но упрямо в беседе с В. Кожемяко он на страницах «Правды» защищал Солженицына, объясняя его подлости, например, против Шолохова, то забывчивостью, то увлеченность, то темпераментом.

И странно было мне читать его рассказ о том, как на первом курсе МГУ он принимал участие в выборе комсорга курса. Избрали Игоря Виноградова. Он, говорит, при этом произнес обязательную в таких случаях речь, в которой процитировал какие-то строки Маяковского. Потом Вадим подошел к Игорю и сказал: «Неужели ты не понимаешь, что стихи были написаны только ради славы и денег?» Так думать о поэтах и стихах в восемнадцать лет! Меня это просто оше-

ЛОМИЛО...

А у Куняева всегда ко мне непомерные требования. То отвергает мою статью, например, в защиту Юрия Кузнецова, то маринует целый год статью о Радзинском, которая, оказывается, нравится ему... Я и этот дневник предложил «Нашему современнику». Он прочитал, сказал, что тоже понравилось, будем печатать в 3–4-х номерах. Но ты, говорит, приписал мне слова одного моего знакомого, хвалившего Ельцина.

– Да? – удивился я. – А ты не хвалил? Если так, то даже не буду ничего проверять, верю тебе на слово и прими мои извинения.

На этом и поладили. Я стал ждать публикации дневника в журнале. Вдруг – письмо от Куняева: нет, ему мало моего извинения по телефону. Он требовал, чтобы я извинился еще и письменно, печатно, в противном случае грозил предать меня анафеме через Интернет. Как в свое время грозил Татьяне Глушковой опубликовать ее давние письма к нему, если она не прекратит критиковать и его и Кожинова, называя их «адвокатами измены», защищающими «авторитеты измены» – Солженицына и Шафаревича. И опубликовал!.. О господи... Ведь та моя ошибка с цитатой, что засела в него в печенках, была лет пятнадцать тому назад! Не знаю, украсил ли он Интернет своей инвективой против меня. Не интересовался.

1960-е

Абрам и Аржак

3 августа 1960 г.

В первой книжке «Нового мира» напечатана большая ст. А. Меньшутина и А. Синявского «За поэтическую активность». (Я напечатал в «Молодой гвардии» статью «Фиалки пахнут не тем» (заглавие взято из популярного тогда спектакля театра кукол Сергея Образцова «Обыкновенный концерт»). Написал, что авторы, декларируя творческую активность, изменяют своей декларации, подменяют активность жизненной позиции, содержательность поэзии изысками формы, которые нахваливают сверх меры. И это изменение особенно отчетливо видна при обращении соавторов к стихам Вознесенского, объявленного ими «одним из самых интересных поэтов младшего поколения». Они пишут, что его позиция — «наступление, натиск, вмешательство в жизнь и литературу, позиция активного самоопределения и самоутверждения». Ну, самоутверждения действительно много, но как, где, когда поэт вмешался в литературу и тем паче — в жизнь? Этого в статье нет. А на что наступает он, против чего направлен его «натиск»? Тоже неизвестно. Впрочем, об

одном вмешательстве Вознесенского в литературу я писал в первой книге воспоминаний: в номере газеты «Литература и жизнь», посвященном юбилею Толстого, он напечатал стихи, посвященные юбиляру, а в пору демократии объявил, что они посвящены Пастернаку. Или это не вмешательство, а что-то другое?

* * *

Через всю мою статью проходила мысль о том, что авторы то и дело изменяют себе, т. е. самими же провозглашенным принципам, идеям. Однако потом обнаружилась измена гораздо более важная. Андрей Синявский выступал в советской печати хотя и со спорными, но вполне литературно приемлемыми лояльными статьями, а еще с 1956 года, после хрущевского XX съезда партии посылал на Запад свои статьи, теоретические трактаты и рассказы, которые с 1959 года печатал там под псевдонимом Абрам Терц. Тут, как пишет его доброжелательный биограф антисоветчик В. Воздвиженский, он представал «в образе не знающего ничего святого мистификатора и сквернослова... Это позволяло Синявскому остро и прямо показывать с изнанки пресловутый «советский образ жизни». Ничего святого не было для него прежде всего в советской жизни, которая, несмотря на репрессированного отца, дала ему возможность окончить Московский университет, аспирантуру, защитить диссертацию о Горь-

ком, стать преподавателем МГУ и членом Союза писателей, в который он вступил уже после пяти лет тайной клеветы на свою родину и Советскую власть. Между прочим, его отец, оказывается, был дворянином. Так дворянское ли это дело – прятаться за еврейский псевдоним да еще за бугром.

В 1965 году Абраша был схвачен и разоблачен. В 1966 году его судили вместе с Юлием Даниелем, который промышлял тем же самым. Интересно, Синявский, будучи русским, орудовал под еврейским псевдонимом, а еврей Даниель – под русским именем Николай Аржак. Но оба псевдонима взяты из блатного мира. Дали Синявскому семь лет лагерей с зачетом предварительного заключения, на два года больше, чем в 1951 году дали его отцу, правда, не лагерей, а поселения в Сызрани.

Помянутый биограф пишет: «Срок Синявский отбывал в Мордовских лагерях на тяжелых работах». Сидел он не семь лет, а пять, два года бессердечная власть скостила Абраше. И тяжелые работы не помешали ему написать и переслать жене 1500 страниц своих записей, которые после освобождения в 1971 году и отъезда в 1973 году во Францию, где он, конечно, тотчас превратился в профессора русской литературы Парижского университета, стали основой двух книг – «Голос из хора» (1973) и «Прогулки с Пушкиным» (1975). Суть последней точно выразил, кажется, Роман Гуль в рецензии «Прогулки хама с Пушкиным».

Ельцинскую контрреволюцию Синявский, разумеется,

приветствовал, как зарю новой прекрасной эпохи, но потом, воочию увидев (он приезжал в Россию) мурло демократии, все-таки, как Солженицын, немного очухался. Умер где-то под Парижем в 1997 году.

КГБ, Саффо и Вова Котов

В пору работы в «Молодой гвардии», в октябре 1961-го, на теплоходе «Феликс Дзержинский» я прокатился из Одессы в Египет с заходом в Пирей-Афины и Стамбул. Не один, конечно, а с группой туристов, в которой, впрочем, не было ни одного знакомого. Перед отъездом была наставительная беседа в здании бывшего американского посольства на Манежной площади. Что ж, почему кое-что не объяснить людям, которые едут за границу впервые? Потом мне позвонил в редакцию и пригласил побеседовать некий майор из КГБ, он тоже ехал с нами. Мы встретились у Большого театра под навесом вдоль левой стены. Он говорил, что я, мол, надеюсь на ваше содействие и помощь в случае чего. О чем говорить! Если какой-то чрезвычайный случай, я и без него принял бы посильные меры.

А как только вечером теплоход отошел от одесского причала, я сразу направился в бар и познакомился там с молодой русской парой из Франции: Олег и Марина. Ее фамилия Горбова, его – Галяев. Олег настроен очень прорусски: много рассказывал о знаменитых людях русского происхождения по всему миру. А она не помню, что говорила, но была очень мила. Прекрасно провели вечер. Обменялись адресами. На другой день, кажется, в Стамбуле они сходили. Я помог им нести вещи к трапу.

Когда шли по Эгейскому морю, я послал своей сотруднице по отделу критики Искре Денисовой телеграмму: «Слева по борту остров Лесбос вспоминаю стихи Сапфо и Володи Котова салют».

Когда вернулись в Москву, майор КГБ опять позвонил мне, и мы опять встретились под навесом Большого театра. Он спрашивал о впечатлении. Я отвечал, что все было прекрасно. «А вот эта пара, с которой вы беседовали в первый вечер... Вы не завязали знакомство, не обменялись адресами?» Я твердо соврал: «Нет!» А под Новый 1962 год Марина прислала мне поздравительное письмо, очень трогательное и забавное, не шибко грамотное. Очень хотелось ответить, но я не решился: ведь сказал же я ему, что не обменялись адресами. Жаль, жаль... Она жила где-то у Эйфелевой башни: Marina Gorboff 22 rue de Passy Paris 16, а Олег – в Булони-на-Сене.

Кутеж в «Метрополе» как взятка

5 мая 1964 г.

Сегодня в «Литературке» напечатан мой фельетон «Неаполитанские рулады на венецианских набережных» о повести Ивана Лазутина «Лебединая песня» в журнале «Байкал» (Удан-Уде). Я начал его так: «Герой повести Сергей Стратонович Кораблинов – «известный в стране актер, ведущий кинорежиссер, знатный профессор, педагог, отец семейства и дважды дед... Мы встречаем его в час великого умственного и душевного напряжения. Он терзается вопросами: «Какова она? Красивая? А что если старая кочерыжка?» Она – женщина, назначившая ему по телефону свидание. Кочерыжек Кораблинов терпеть не мог».

* * *

О, это стоит вспомнить... В Российском союзе писателей мне поручили сделать обзор журнала «Байкал». Я начал работать. Время шло... Вдруг мне звонит главный редактор журнала Африкан Бальбуров и просит встретиться. Он как-то пронюхал, что обзор делаю я. Назначает мне встречу у входа в «Метрополь». Как отказаться? Человек приехал с того бока земного шара. Я соглашаюсь. В назначенный день

и час явился. Он тут же, с ним знакомый мне Норпол Очи-
ров, тоже бурятский писатель, учится в аспирантуре Литин-
ститута. Ведут меня в зал с фонтаном, к уже занятому сто-
лику. Оказывается, Африкан тут свой человек, официанты
его знают. «Что будем пить?» Делает роскошный заказ. Пре-
красно! Выпили по рюмочке, по другой... Вдруг... появля-
ется Иван Лазутин. Они разыгрывают радостную случайную
встречу. Иван садится за стол, и кутеж продолжается. Он
– автор ужасно популярной тогда повести «Сержант мили-
ции», переизданной раз двадцать.

И вот все трое начинают меня убеждать, какой прекрас-
ный журнал «Байкал» и как замечательна недавно напеча-
танная там повесть Лазутина «Лебединая песня» Что делать?
В «Литературке» лежит мой фельетон об этой повести, ка-
жется, даже набран уже. Что делать?.. Пиршество-обработ-
ка продолжается часа два-три. Наконец, выходим на улицу.
Оказывается, тут у подъезда меня уже ожидает такси, и кто-
то преподносит мне огромный букет прекрасных цветов. В
такси до Измайлова меня провожает Норпол. Он всю дорогу
продолжает меня агитировать.

Утром я опять в терзаниях: что же делать?.. Я взял фе-
льетон – может что-то смягчить? – и стал его перечитывать:
«Герою пятьдесят семь лет, но – «это еще не закат, это еще
зенит», уверяет он себя. Правда, уже не та прыть, когда «мо-
лодой, красивый, он не знал, что такое гипертония» и ощу-
щал в себе «всю унаследованную от тамбовских дедов и пра-

дедов лихость и удаль, но все-таки кое-что еще осталось...

В назначенный час, обманув бдительность супруги (она оплошно ушла на кухню) тщательно одетый Кораблинов явился на условленное место. Сложные чувства владели им. Дважды дед смущался. Но в то же время его захлестывали «приливы давно забытого юношеского трепета».

В руках у знаменитого гипертоника розы. Один лепесток упал на ботинок. Надо бы снять, но он не решается, ибо «при его высоком росте никто не замечает лысину на макушке. А если нагнуться...»

Но вот, наконец, и она! О, это совсем, это весьма не кочерыжка, это – «молодая озерная камышинка» под названием Светлана.

Дальше было «как-то стихийно, само собой. Разница лет была стерта». Последнее обстоятельство весьма существенно, ибо разница составляла ровно четыре десятилетия. Но, видно, уж так сильна была в знатном профессоре закваска тамбовских предков!

После первого свидания Светлана не спала всю ночь, а рано утром побежала к памятнику Пушкина, к которому Кораблинов во время их прогулки положил букет роз, сорвала один лепесток и от избытка чувств съела. Потом поехала к тете (она-то надоумила ее позвонить режиссеру) и бросилась ей на шею со словами: «Это не человек, а вулкан! Я забыла все на свете! Мне казалось, что я иду с ним не по Москве, а по венецианской набережной и слушаю неаполитанские ру-

лады».

Но тетушка вовсе не желала, чтобы племянница забыла все на свете. У нее была ясная цель: устроить красотку-племянницу через Кораблинова с Институт кинематографии. «До тех пор, пока не станешь студенткой, ты должна обещать ему все» – поучала она племянницу.

И вот второе свидание. Уже не прогулка по улице Горького, а ресторан. А потом на улице он спросил:

– Вы хотите стать актрисой? И не постоите ни перед чем ради этого?

– Ни перед чем! Никогда! – воскликнула Светлана, выполняя инструкцию тетушки.

– Вы готовы жертвовать? – вновь спросил человек-вулкан.

– Да!

Вулкан остановил такси: «В Сокольники!»

Под скрежет коробки скоростей и монотонно-грустное пощелкивание счетчика он стал целовать Светлану и заклинать: «Я люблю вас!.. Я сделаю из вас знаменитую актрису!.. Княжну Мэри будете играть вы!..» Но тут произошло то, чего дважды дед никак не ожидал. Вероятно, не ожидала и сама девица. Она вопреки теткиным инструкциям вдруг воскликнула:

– Вы гадкий и грязный старик! – и закатила вулкану пощечину, и тут же ее руки, «словно крылья белой голубки еще несколько раз мелькнули перед его лицом». – Я без вашей помощи буду актрисой! – С этими словами Светлана выска-

чила из такси.

Очухавшись, старикан тоскливо подумал: «Да, вот она моя лебединая песня». В сопровождении пощечин».

Дальше не буду пересказывать фельетон, а замечу: Светлана действительно поступила во ВГИК без помощи Кораблинова. Что ж получается? Семнадцатилетняя девушка не дала и не приняла взятку в виде студенческого билета и добилась своего. Да это же вдохновляющий образ! Молодец Иван Лазутин! А меня хотят купить за двести грамм коньяка да тройку бутербродов с черной икрой и осетриной? Нет же! Нет, братцы! И пусть это будет им уроком, как Кораблинову. Будут знать, что взятки не только в виде студбилета, но даже и в виде угощения в «Метрополе» не всегда и не на всех действуют. И фельетон появился в «Литературке» безо всякой правки.

Между прочим, за всю мою литературную жизнь было лишь две попытки подкупить меня. Вот эта да еще однажды какой-то сочинитель, огромный роман которого я рецензировал для «Профиздата», нагрянул откуда-то из с Урала или Сибири ко мне домой с парой-тройкой каких-то роскошных рыбин.

Как было отказаться, когда это подносилось как дар Сибири или Урала. Впрочем, и рыба, как застолье в «Метрополе», не сломили мою железную волю.

Так велика моя вина...

1965 год, февраль

На Новый год мама ездила в Ногинск, точнее, в Глухово к своей младшей сестре тете Тоне, моей крестной. И вот крестная прислала мне письмо.

«28/1.65

Володя, здравствуй, дорогой!

Володя я вот что хочу сказать тебе.

Под Новый год я пошла встречать твою маму и что же ты думаешь, глазам своим не верю, она вышла из вагона вся в слезах, я даже испугалась. Спрашиваю, что случилось, а она плачет и только сквозь слезы я еле поняла. Она выговорила: меня так обидел Володя. Это с ней я вижу впервые. Она никогда такая не приезжала и из-за ее плохого настроения мы расстроились и очень скучно встретили Новый год и провели все три дня. Она никогда мне не жаловалась на тебя, а в этот раз, наверное, нервы не выдержали.

Володя, я не хочу тебе читать наставления или учить чему-то, т. е. как надо вести себя с мамой, ты сам очень умный и она всегда этим горда. Она же очень любит тебя, она всегда сочувствует во всех твоих невзгодах, поэтому ей очень

обидно. Может, даже ты и не грубо сказал, а ее все равно обижает даже твой повышенный тон. Это только потому, что она тебя любит. Я это поняла с ее разговора.

Так вот, Володя, все это надо понять и подумать об этом серьезно. Представь себе, что с ней случится, ведь как тебе будет тяжело переживать все твои бранные слова, но поздно будет. Володя, ведь ей так мало осталось жить, все дни сочтены, а ведь мать одна и ее надо беречь. Она вспыльчива, но сколько и пережито. Страшно вспомнить. Надо мать уважать хотя бы за то, что она дала тебе жизнь и уважать за то, чтоб после ее смерти не было раскаяния за свою грубость к ней.

Володя, все это нетрудно уважить матери. Ведь ты всегда трезвый, умный и потому должен быть тактичный, выдержанный. Правда?

Володя, мне очень жалко Маню. Ты не можешь себе представить, как она была обрадована твоей поздравительной телеграммой! И плачет, и улыбается и смотрит на время, когда ты ей послал. Вот видишь, за что это говорит. Я так боюсь, что с ней может случиться, мне тоже будет очень тяжело, она у меня так же единственная сестра, как у тебя единственная мать. Володя, береги ее, я очень прошу, не давай ей расстраиваться, в такие годы может сразу случиться с человеком. Вот так уйдешь на работу, она дома, а придешь – ее не будет. Это так страшно.

Володя, теперь прошу тебя, не давай ей читать это письмо, а то еще обидится, скажет, кто тебя просит лезть в наши

дела. Но я не могла стерпеть, она очень была расстроена. Володя, ты меня извини за письмо, не обижайся. Может, тебе даже покажется глупым, пусть даже так, но у меня очень тяжелое настроение. Володя, вот поэтому на конверте я не пишу своего адреса, я боюсь, она догадается и будет меня ругать. Считай, что мы с тобой поговорили вдвоем. Володя, ты знаешь, как матери дороги дети, она ведь очень переживает за все. Так береги ее, чтобы после не было за что ругать себя.

До свидания. Целую крепко.

Твоя кресенька Антонина мученица.

Вы сегодня наверное пойдете на день рождения Гали».

* * *

Не помню, когда, но, может быть, именно после этого письма крестной я написал вот это стихотворение:

Я обижал порой друзей.
Прости меня за это, Боже.
Хотя никто из них, ей-ей,
В долгу не оставался тоже.

И женщин обижал порой.
Прости и это... Хоть едва ли
За них бы кто-то встал горой —
Они мне тем же отвечали.

И мать я обижал не раз.
Она обиды все сносила,
Не поднимая скорбных глаз,
И лишь понять ее просила.

И как никто была верна,
Любви живое воплощенье...
Так велика моя вина,
Что было б грех просить прощенье.

Стон всей страны

26 октября 1965 г.

В «Литературке» напечатана моя ст. «Кому мешал Теплый переулок?» О нескончаемых дурацких переименованиях городов, улиц, площадей... Не думал, не надеялся, что напечатают. Ведь я выразил решительное несогласие с переименованием Н. Новгорода, Твери, Самары, Вятки, московских улиц – Тверской, Покровки, Остоженки, Охотного ряда, Мясницкой, Маросейки... И предлагаю вернуть эти названия. Ах, жаль, что не решился о Сталинграде!

31 октября

Сразу хлынули отклики на статью в «ЛГ». Сперва, конечно, московские, но сегодня пошли из других городов от людей разных национальностей. Ислон Абдушукуров из Душанбе пишет: «У нас в Таджикистане один поселок лет 20 назывался Молотовабад, потом – Пяндж, а теперь Кумсангир. Другой поселок был Кайрак-Кум, потом Ходжент, сейчас – Кумсангир».

Интересно еще, что письмо написано 27 октября, т. е. на другой день после выхода газеты со статьей, а сегодня уже в редакции.

Б. Медведев из Тбилиси: «Статья – золотой слиток в Фонде защиты русской культуры. Но есть еще нечто более ужасное, чем бесчисленные Кировски и Куйбышевки, о которых пишет автор. Появились города Торез, Тольятти. Уважаемые люди, нам дорога память о них. Но это же дикость – русские города с иностранными названиями... Вятку, как и Самару, до слез жалко... После такой статьи можно умереть со спокойным сознанием, что еще не все потеряно».

* * *

Знал бы товарищ Медведев, что настанет время, и его однофамилец будет называть поселки, улицы, библиотеки именами прямых предателей – Ельцина, Солженицына, будут ставить памятники кровавым душителям народа – царю Николаю, Столыпину. Судя по почерку, вроде бы старческому, тбилисский Медведев не дожил до улицы Солженицына в Москве, до библиотеки им. Алкаша в Ленинграде, до памятника Бродскому против американского посольства.

В третий раз став президентом, Путин сделал новым министром культуры Владимира Мединского... Беда с этими министрами новейшего времени! Горбачев в начальную пору своего правления заигрывал с русской патриотической интеллигенцией: ввел в Президентский совет Валентина Распутина, назначил министром культуры Николая Губенко... Но скоро ему объяснили его роль и поставили на

свое место. И Губенко был убран. При Ельцине его заменил Евгений Сидоров. На министерском посту он ничем не запомнился, видимо, в этом и состояла его цель. Путин назначил никому неведомого, ничего не сделавшего киргизского уроженца Михаила Швыдкого. За одно это Путина следует судить. Это было издевательство. Дело, конечно, не в киргизском происхождении назначенца (хотя, несомненно, министром культуры в России должен быть русский), а в том, что на важнейшем государственном посту оказался невежда и провокатор, русофоб и наглец. Только такой человек и мог учинить на телевидении, т. е. на всю страну, такие передачи, как «Пушкин устарел», «Русский фашизм страшнее немецкого» и т. п. После этого Путин обязан был, по меньшей мере, тотчас убрать с поста горлопана и запретить ему на пушечный выстрел приближаться к телевидению, а он, будучи сам человеком плохо образованным, провинциальным да еще и трусливым, молчал и не шевелился. В конце концов, кто-то куда-то Швыдкого отодвинул, но это была не кара всероссийскому хаму, а операция втихаря, под сурдинку, в полиелеста.

И вот выискал Путин этого Мединского, профессора МГИМО, инкубатора русофобов и антисоветчиков. И тот сразу, в спешке, словно боясь не успеть, подтвердил марку своей альма матер и свою верноподданность режиму. Впервые, заголосил о перезахоронении Ленина. Опять! Хоть задумался бы о том, сколько гробокопателей и клеветни-

ков Ленина Господь в бесконечном милосердии своем уже прибрал вскоре после их воплей: Волкогонова, Егора Яковлева, патриарха Алексия, Старовойтову, пианиста Петрова, Собчака, Ямищикова, совсем недавно – Юрия Карякина... Хоть кол на голове теши!.. Во-вторых, надо, говорит, переименовать улицы, названные в честь революционеров, – назвать их именами тех, кто стал жертвами терактов. Должно быть, рассчитывает досадить коммунистам. Но ведь исполнителями самых громких терактов были не большевики, а левые эсеры: Иван Каляев, застреливший московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, известного душегуба, Давид Богров, смертельно ранивший Столыпина, Яков Блюмкин, убивший германского посла графа Мирбаха... С другой стороны, немало и большевиков стали жертвами террористов: Урицкий, Войков, Воровский, Загорский, Нетто, Киров... Как тут быть? Путин подбирает министров по своему образу и подобию: они могут оглашать идеи и предложения самого разного характера и значения, но не подозревают, что за этим стоит и как их новации осуществить, и какие они могут иметь последствия. Объявил же Путин еще при первом своем пришествии: удвоим ВВП! Прошло лет десять. И что? Не удвоили, а утроили, но не то ВВП, а совсем другое ВВП. В десять раз увеличил число миллиардеров, в пять раз – число аварий и катастроф, в двадцать – число пожаров...

И ведь ясно же, что предложение о переименовании улиц

ничего, кроме нового скандала и очередного раскола, в обществе вызвать не может. В этом новый ставленник Путина видит задачу министра культуры? Есть поговорка: когда кому делать нечего, он... А если ставленнику уж так печет что-то переименовать, то пусть начнет с себя и сделает из Мединского – Медицинского...

* * *

2 ноября

Е. Козловский из Минска сообщает, что у них есть Первая Шестая улица, Вторая Шестая улица и т. д.

5 ноября

П. Успенский из Рязанской области пишет, что у них есть табачная фабрика им. В. И. Ленина. «Да он же не курил! И даже был решительный противник табака. Уж если для них невозможно без имени, назвали бы им. Сталина, он с трубкой не расставался».

9 ноября

Скульптор О. Мануйлова из Фрунзе взывает: «Громче и шире требуйте прекращения переименований во всем

СССР!»

12 ноября

Военнослужащий Н. Бакай их г. Чаусы, знакомого мне по 43-му году, мы там стояли, пишет: «Какое отношение к воронежскому городу Лиски имел румынский партийный деятель Георгиу-Деж, именем которого этот славный городок назван в 1965 году после его смерти?» Резонно!

15 ноября

Джафар Багиров из Баку: «В статье В. Бушина упоминается Кировобад, бывший Гянджа. Я сейчас здесь в командировке. В этом городе родился, жил, творил и умер наш великий поэт Низами. У него и псевдоним был Низами Гянджеви. Вот, если уж переименовывать, чьим именем надо был назвать город!

Киров для нас дорогой человек, он много сделал для нашего народа, но, посудите, его именем назвали парк, самую многолюдную Большую Морскую улицу, университет, институт физиотерапии, множество улиц, деревень, колхозов...»

Как все это близоруко с точки зрения национальной политики!

16 ноября

Сталевар Р. Пономарев из г. Чирчик: «Мысль у всех одна: надо восстанавливать названия улиц (у Бушина – даже городов)... Но я никогда не соглашусь, чтобы г. Горький снова стал Нижним Новгородом, Ленинград – Петроградом...»

* * *

Ах, товарищ Пономарев, где вы были, когда два малограмотных дружка Собчак и Путин топтали Ленинград и жульнически протаскивали Петербург да еще с Санктом? А Нижний Новгород? Ведь Алексей Максимович сам посмеивался в одном письме: «Максим Горький на теплоходе «Максим Горький» едет в город Горький».

17 ноября

Р. Кричевская опять из Баку: «Какая взволнованная статья! Но ведь не первый год идет борьба с косностью, тупостью, равнодушием, казенщиной, с эстетической глухотой, а результата не видно. Ведь это страшно, что невежество берет верх».

18 ноября

И. Лисичкин из Кутаиси: «В этой замечательной и своевременной статье не затронут вопрос о том, сколько неудобств эти бесконечные переименования создают для населения, для почты и т. д.»

Во-первых, статья вовсе не своевременная, а сильно запоздавшая. Она была бы очень уместна и ко времени еще в первые годы после революции, когда появлялись первые ласточки в облике ворон – Троцк, Зиновьевск и т. п. Во-вторых, о неудобствах для населения как раз писали много, а я впервые поднял вопрос на культурно-историческую высоту.

20 ноября

Получил письмо от Сергея Бондарчука с благодарностью за статью о его «Войне и мире», которую я напечатал в «Красной звезде».

Вот ведь интеллигентный талантливый человек, а не понимает, что под всяким письмом должна стоять дата.

23 ноября

Кандидат исторических наук С. Алияров: «Мыслимое ли дело в одном государстве, пусть даже столь обширном, как СССР, иметь 16 городов, названных в честь одного человека, если это даже такой выдающийся человек, каким был С. М. Киров».

Художник И. Крастелев из Москвы: «Почин положил Николай Второй, переименовав Петербург в Петроград. Но потом поехало... Недавно в Сарны, как писали «Известия», одним махом переименовали почти все сорок улиц. Это просто преступление... Тверь основана раньше Москвы. И вот к 55-летию М. И. Калинина... Не нашлось у него ни скромности, ни мужества воспротивиться.

Ленинград, конечно, останется Ленинградом навсегда, но в Москве имя В. И. Ленина получили и метро, и главная библиотека, и стадион, даже убогие Воробьевы горы, а еще и Горки Ленинские, Ленино-Дачное. Неужели аллилуйщики не соображают, что фамильярничание с именем великого человека может оказать плохую услугу его памяти? Вот вам недавно на Сретенке красовалась вывеска «Артель полотеров «Путь Ильича». А канал имени Москвы? Еще Маяковский высмеивал: «собака имени Полкан». Но ведь живут же Большой театр и Малый без всяких имен. А какие артисты блистали на их сценах!

А какое отношение к Самаре имел В. В. Куйбышев? С какой стати, Екатеринбург стал Свердловском? Никаких геройств Яков Михайлович не совершал, и прожил в советское время меньше двух лет. Старинный церковный город Троице-Сергиев Посад – там лавра! – переименовали в честь секретаря МГК партии В. Загорского, настоящая фамилия которого Лубоцкий. А Московская консерватория одно время носила имя Феликса Кона, стадион «Динамо» – имя Ягоды.

Это же плевки в душу народа русского».

«Диверсия» против яковлевщины

Ни одна моя статья или книга не вызвали столько самых горячих откликов, как эта. Писем редакции и мне лично были сотни со всех концов страны, от людей разных возрастов, национальностей, профессий.

Я тогда работал в журнале «Дружба народов». Ко мне в кабинет, как я упоминал, влетел Владимир Солоухин с воплем: «Ты гений!» А вскоре нас с ним и старика О. В. Волкова да В. В. Иванова, ныне академика и автора скабрёзных стихов, пригласили в Ленинград принять участие в телевизионной передаче в защиту русской культуры. Там к нам присоединились несколько ленинградских писателей, а вел передачу Д. Лихачев, тогда еще членкор, но давно уже Сталинский лауреат.

Все участники передачи говорили совершенно недопустимые вещи. Но мое выступление было, очевидно, особенно возмутительным. Я прочитал весьма острые выдержки из полученных мною в «Литературке» писем. Да еще позволил себе пройти по адресу Пегова, председателя Моссовета, который незадолго до этого с гордостью объявил в «Вечерней Москве», что в столице завершается переименование улиц, названия которых имеют религиозное происхождение. Я предложил ему с экрана (а передача шла на всю страну) издать постановление еще и о переименовании сограждан,

фамилии которых имеют такое же происхождение: Никиты Богословского, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского... А как дальше терпеть артистов Михаила Царева и Андрея Попова?..

Словом, все это для начальства было невыносимо. И в разгар передачи из Москвы позвонил сам председатель Комитета по радиовещанию и телевидению Н. Месяцев и потребовал прекратить передачу, объявить технический сбой. И тут произошло чудо: работники редакции отказались выполнить приказ начальника и довели передачу до конца. А когда экран выключили, они бросились обнимать и поздравлять нас.

Через несколько дней, вернувшись в Москву, мы узнали, что в Ленинграде последовали санкции: организаторов передачи уволили с работы. Не встать на их защиту было бы подлостью. Я написал письмо в ЦК, где говорилось, что сотрудники редакции не могли знать, что мы будем вещать, никакой предварительной договоренности об этом не было, поэтому, если в передаче было что-то неверное, мы головы нести за это ответственность, а сотрудников просим восстановить на работе. Тем более, все мы мужчины, а там в основном женщины. Письмо подписали все, кроме Л. Успенского. Я его отправил, и мы и стали ждать.

А в ЦК, как стало известно в пору всеохватного бардака из публикации недолго просуществовавшей газеты «Столица», уже циркулировали два документа. Первый 12 января

1966 года был подписан Н. Месяцевым и направлен в Отдел культуры под грифом «секретно». Чего там секретного, когда передачу видела вся страна?

Тов. Месяцев писал: «4 января с.г. По Центральному телевидению из Ленинграда прошла передача «Литературный вторник». В ней приняли участие писатели Л. Успенский, О. Волков, В. Солоухин, литературные критики и литературоведы В. Бушин, В. Бахтин, В. Иванов, Д. Лихачев, Л. Емельянов.

Передача была задумана в плане изложения марксистско-ленинских взглядов на историческое развитие русского языка и русской культуры, их влияния на культуру других народов... Однако в ходе передачи ее участники отступили от ранее обусловленного содержания и сценарного плана... Это была туфта: никакой «обусловленности», никакого «плана» не существовало... «Участники передачи высказали свои антинаучные взгляды по ряду вопросов культурного наследия и революционных традиций нашего народа». Словом, идеологическая диверсия!

Далее приводились конкретные примеры нашей диверсионной «антинаучности»: «В. Бушин с издевкой говорил о переименовании Ольгина моста во Пскове в мост Советской Армии. В. Солоухин говорил о «чудовищном засорении языка уродливыми нелепыми сокращениями. О. Волков призывал к организации концертов духовной музыки. В поддержку своих взглядов они (тут имелся в виду прежде всего я. —

В. Б.) зачитывали письма полученные ими как отклики на их прежние выступления в печати: «Только тем, что у мудрости есть пределы, а противоположность ее безгранична, можно объяснить переименование таких городов, как Тверь, Вятка, Нижний Новгород, Самара – городов, стоявших у истоков русской истории. Переименование городов, по их мнению, напоминает раздачу татарскими ханами владений. «Но и ханы, отдавая города на прокорм, не калечили их имена».

Можно не сомневаться, что такие наши заявления приводили в негодование не только Месяцева и Пегова, но впоследствии и члена райкома Собчака, молодого коммуниста Гарвюшу Попова, лейтенанта КГБ Путина и всех, кто спустя 25 лет лихо и резво, ничем не рискуя, занялись огульным обратным переименованием городов и улиц да крушением советских памятников.

Н. Месяцев сообщал, что освобождены от работы директор Ленинградской студии Б. М. Фирсов, главный редактор литературно-драматических программ Е. Н. Никитина, а также редакторы И. А. Муравьева и Р. Д. Муравьева, отвечавшие за передачу.

Второй документ от 18 февраля 1966 года адресовался аж в Политбюро, он был круче. В ней содержались такие формулировки: «Участники передачи заняли тенденциозную позицию... Авторы передачи пытались создать ложное впечатление... Они игнорировали элементарную журналистскую этику... Пропаганда субъективистских ошибочных взглядов

привела к нежелательным последствиям... Авторы многих писем протестуют против грубых ошибок и неверных положений... Тут же сообщалось, что три Отдела ЦК (пропаганды, культуры и науки) «информировали по этому вопросу руководителей и партийные комитеты тех организаций, в которых работают участники передачи». Значит, и в мою «Дружбу народов» пришла «телега» и, конечно, сыграла важную роль в моем скором выдворении.

Под этой содержательной бумагой в Политбюро с ее опасными ярлыками стояла подпись заместителя заведующего Отделом пропаганды А. Яковлева, того самого, что позже заодно с Горбачевым предал и партию, и родину, будущего любимца американского президента Рейгана и критика Туркова... А тогда ему очень хотелось стать заведующим, и он выслуживался и навешивал ярлыки, обличал тех, кто призывал «объявить сбор средств для восстановления церквей», кто «считает варварством переименование Охотного Ряда в проспект Маркса», слал «информацию» по месту работы.

Среди участников передачи было два члена партии – Солюхин и я. Володя куда-то исчез, поэтому в скором времени в ЦК позвали для объяснений меня.

Оказывается, там имелся специальный подотдел Отдела культуры, занимавшийся телевидением. Его возглавлял тогда какой-то Московский, кажется, отставной генерал. К нему я и припожаловал. Ну, это был разговор двух глухих.

– Здорово, кума!

– На рынке была.

– Да ты никак глуха?

– Купила петуха.

Он допытывался, почему я так не люблю Горького, ибо именно только нелюбовью к писателю мог он объяснить мое желание видеть Нижний Новгород. Я говорил, что дело же не в этом, но он меня не слышал. Так что разговор был пустой. Но сотрудников студии возвратили на работу.

Я написал довольно обстоятельный обзор писем, полученных «Литгазетой» на мою статью, но после нашей передачи из Ленинграда, по поводу которой было столько шума и разговоров, печатать обзор Чаковский не пожелал. Помог ему отказаться от этой затеи недоделанный марксист Юрий Суровцев. Чаковский спросил его при мне в кабинете: «Надо печатать?» Тот решительно ответил: «Ни в коем случае!» Возможно, им известна была позиция ЦК. Так же поступил и Михаил Алексеев в «Москве», когда на мою статью об Окуджаве там писем пришло, пожалуй, и не меньше и тоже – со всей страны. Оба испугались неизвестно чего. Это у нас очень часто – боязнь неизвестно чего.

А Яковлев стал членом ПБ, академиком в особо крупных размерах, накатал 22 книги, за одну из которых на ее презентации в Самаре (впрочем, скорее, за всю его жизнь в целом) одна безвестная русская патриотка прямо на сцене театра залепила ему оплеуху. То же самое огреб и Горбачев, но не по физии, а по шее. Ах, да разве только это они заслу-

жили от народа!..

* * *

Солженицын в феврале 1966 года отозвался в письме на нашу передачу: «Слышал о Вашем выступлении по ленинградскому телевидению. Вас хвалят...»

Наша довольно активная переписка с ним тянулась четыре года – до мая 1967-го. Его последнее письмо было кратким, это было как бы небольшое персональное добавление к его большому (четыре убористых страницы) письму в адрес предстоявшего IV съезда писателей – «вместо выступления».

17 сентября 1966 г. Коктебель

Жил здесь с 25 августа. Впервые. И кто только здесь из писательской братии не бывал! Алексей Толстой, Леонид Леонов, Эренбург, Марина Цветаева... Сегодня уезжаю. Что останется в памяти, кроме чудных картин моря, Кара-Дага, Золотых ворот, мыса Хамелеон, дома Волошина, Лягушачьей бухты? Может быть, вот это? —

В ресторане «Эллада»
Мы кейфуем вдвоем.
Ах, какая отрада! —

Вот сидим мы и пьем.

Здесь на стенах – кентавры,
Гладиаторский бой.
Амазонки да лавры,
Да эгейский прибой.

Глядь, уж донце графина.
Но мигает Эрот:
– Вам поможет Афина.
Мажьте свой бутерброд!

И с питьем на подносе
Мчит Зевесова дочь,
Чтоб в насущном вопросе
Нам любезно помочь.

Но все было б забыто —
И кураж и ландшафт,
Если б не с Афродитой
Пил здесь на брудершафт.

* * *

8 января 1967 г.

Как точно сказал Лермонтов о Пастернаке, например, о

его «Гамлете»:

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

* * *

17 мая 1967 г., утро. Москва

Получил из Рязани от Солженицына на четырех убогих страницах «Письмо IV съезду советских писателей (вместо выступления)» и записочку мне.

Письмо было отправлено 18-го в 9 вечера и получено – 17 мая утром. Дело в том, как позже поведал сам А. С., таких писем он отправил по адресам писателей и газет, журналов около 200, и не из Рязани, а с Центрального почтамта в Москве. Этим и объясняется быстрота доставки.

* * *

Обо всем, что связано с Солженицыным, обстоятельно рассказано в моей книге о нем «Гений первого плевка», вышедшей несколькими изданиями. Кому интересно, могут за-

глянуть и в Интернет.

* * *

22 мая

Заходил ко мне в «Дружбу народов» Эмка Мандель (Коржавин), предложил подписать письмо к съезду с предложением дать слово для выступления Солженицыну. Там уже было немало подписей. Вероятно, его направил ко мне сам А. С. Я подписал.

* * *

«Милый Володя! Владимир Сергеевич!

Вы от скуки иногда вспоминаете обо мне. А я Вас помню часто, всегда.

Не Вашу резкость, а нежного мужчину и доброго друга...

Мне жизнь отпустила всего вдоволь — и любви, и одиночества, и горя.

А Вы совсем из другой жизни, где другие измерения. Я совсем случайно залетела на Вашу орбиту, и по всем законам логики не могу на ней удержаться. Я у себя и в себе, и всегда одна.

Незнакомец из другой жизни, прощайте.

Ирина».

26 мая 1967 г.

Борис Куняев-Рижский, с которым познакомился в Коктебеле, в ответ на мое поздравление с Днем Победы прислал открытку:

«Приветствую, граф!

Если бы Вы знали, насколько приятна была для меня Ваша весточка! Это же память о нашей фронтовой юности!!!

Дорогой Володя, а я три месяца пролежал в больнице с инфарктом. 10 дней был в реанимации, думал – все, однако белые тапочки временно отложил...»

Мы не от старости умрем —
От старых ран умрем.
Так разливай по кружкам ром,
Трофейный рыжий ром...

Это покойный Семен Гудзенко, сам умерший в тридцать лет от ран, сказал о таких, как Борис. Я видел на пляже – у него страшная рана, нет половины плеча. Но кружками мы там, в Коктебеле, не раз чокались.

Евгений Винокуров

6 декабря 1967 г.

Сегодня в конце рабочего дня зашел ко мне в «Дружбу народов» Винокуров. В моем кабинетике мы проговорили с ним часа полтора, до начала седьмого. Потом пошли в ЦДЛ, пропустили по две рюмочки коньяка и по чашечке кофе.

Он принес мне «1920 год» Шульгина, о чем я его недавно просил после возвращения из Дома творчества в Гаграх, где Дм. Жуков познакомил меня с Василием Витальевичем.

Ему в этот год 50-летия Октябрьской революции исполнилось девяносто. Таких древних людей я никогда в жизни не видел. Но, конечно, не только возрастом был интересен мне человек, принимавший отречение Николая Второго. Его арестовали в 44 году, кажется, в Югославии, и он лет десять отсидел во Владимирском центральном. Они с женой сидели в столовой за столиком рядом с нами. Иной раз после завтрака он шел с нами прогуляться по набережной. Мы спрашивали его, как он смотрит на нынешнюю Россию. Он отвечал мудро: «Мы, русские националисты, хотели видеть Россию сильной и процветающей. Большевики сделали ее такой. Это меня мирит с ними». Был фильм «Перед судом истории», построенный на его беседе с каким-то безымянным историком, манекеном. Все симпатии зрителя, конечно, на стороне

Шульгина: за его спиной большая бурная жизнь, драматическое крушение всех надежд, а что за этим «историком»? Пустота. Я уж не говорю, о манерах Шульгина, языке, логике. Фильм вскоре сняли.

С Винокуровым, как всегда, мне было интересно. Мы никогда не надоедаем друг другу. Причем, мы не собеседники-спорщики, а собеседники-единомышленники, мы дополняем мысли друг друга, подтверждаем их своими доводами, примерами. И, тем не менее, нам всегда интересно вместе еще со студенческих лет, еще с поездки в Рыльское, когда мы были вместе, не замолкая ни на минуту, целые дни.

Сегодня встреча началась с того, что он, протиснувшись в дверь, сел на стул, достал из портфеля книгу и сказал, что у меня приятная комнатенка. «Мой уголок мне никогда не тесен», – напомнил я. «Куда девались эти пошлые довоенные песни, на которых мы выросли?» – сказал он и тут же вынул молодогвардейскую брошюрку со стихами Эдуарда Асадова. Поразился их 600-тысячному тиражу. «Моя в этой же серии вышла тиражом в 125 тысяч». Прочитал первые четыре строки и стал возмущаться их языком, отсутствием мысли, пошлостью.

Рассказал об одной культурной знакомой даме, которая в восторге от стихов Асадова и заговорил о неразвитости, грубости вкуса толпы, среднего слоя. «Толпа – это страшное дело! Для нее даже Евтушенко, Рождественский слишком сложны. Если бы Асадов был еще пошлее и бездарней,

он был бы еще популярней. Пошлость вкуса толпы особенно видна в кино».

* * *

К покойному Асадову я еще вернусь, но уже здесь скажу, что Винокуров шибко не любил Евтушенко. Причины, видимо, те же, что у меня: при большом таланте – назойливость, демагогия, лживость. 30 января и 9 февраля 1991 года о его книгах «Точка опоры» и «Политика – привилегия всех», а также в ответ на его наглую, с ложью о Шолохове статью «Фехтование с навозной кучей» в «Литературке» я напечатал в «Советской России», выходившей тогда почти двухмиллионным тиражом, статьи «Дайте точку опоры!» и «Грянул гром не из тучи» (они вошли в мою книгу «Окаянные годы», 1997). Не помню, как Винокуров об этом узнал, позвонил мне и попросил прислать газеты. Я обещал, но промешкал. Он опять позвонил. Я послал. Думал, что статьи убийственные, но Женя прочитал и сказал: «Слишком мягко, о нем надо писать беспощадно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.